

«Проза нашего времени»

Jalid Sehouli

**Und von Tanger
fahren die Boote
nach irgendwo**

Жалид Сеули

**И пливут куда-то
корабли
из Танжера...**

 ЭТЕРНА

2018

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Как появилась эта книга

Ни одна книга не появляется без какой-либо истории, ни одна история – без встречи людей. Тот день я помню очень явственно: около полудня позвонил коллега, мой хороший знакомый, большой любитель древних камней, а с ними всегда связано множество легенд. Он попросил меня принять одну его знакомую, молодую женщину с предполагаемым онкологическим заболеванием. Врачи, к которым она уже обращалась, установили, что жить ей осталось не более шести месяцев. Я назначил прием на один из ближайших дней, выискав время в своем перегруженном рабочем графике.

Анна пришла вместе со своим мужем Константином, на шее у нее я заметил ожерелье из старинного серебра. Мы говорили на английском, я задал ряд вопросов касательно симптомов болезни и уже имеющихся результатов обследования. Мое заключение подтвердило диагноз – рак яичников в последней стадии. Анна выслушала мои слова внимательно и спокойно, Константин явно был обеспокоен сильнее, чем она сама. Анна часто смотрела ему в глаза, проникновенно и глубоко, внушая спокойствие. По-моему, это удалось ей лучше, чем мне, когда я отвечал на вопросы Константина. На ближайшие дни мы запланировали сложную операцию. Кроме своего родного русского, Анна владела английским и арабским языками. Я заинтересовался и спросил, почему она говорит на арабском.

«Я люблю арабский язык», – ответила Анна, и ее голубые глаза засияли точно лазурь.

– А где же вы изучили арабский? В Марокко, в Египте или в Тунисе? – предположил я.

– В Москве, господин профессор.

Я ожидал, что она назовет какой угодно город мира, но уж никак не Москву! Анна же спросила:

– А вы когда-нибудь были в Москве?

– К сожалению, нет. А вам приходилось бывать в Танжере?

– К сожалению, нет. Но, может быть, когда-нибудь...

– Может быть, – сказал я.

«Инчалла!» – по-арабски добавила Анна, что значит «если будет на то воля Бога». Это было сказано легко и естественно, словно она произносила эти слова каждый день.

С тех пор минуло более двух лет. В Берлине зима, и в Москве, и в Танжере... Везде холод, везде мало солнца. Сегодняшний день особенно темен. Анна умерла. Она пришла ко мне как пациентка, а ушли они с Константином как мои друзья. Анна ушла... Несмотря на тяжелейший недуг она всем нам постоянно показывала, что любовь и уважение друг к другу должны быть нашим подлинным эликсиром жизни. Анна, ты такая, что Танжер теперь сам откроется тебе.

И плывут корабли из Берлина – в Танжер, и в Москву, и куда-то еще...

РОДИНА БЕГСТВА

Люди, решаясь на бегство, многое покидают,
как правило – слишком многое.
Кто-то из них навсегда отрывается от корней.
Кто-то из них уже никогда не почувствует незабываемый чарующий аромат потерянной родины.
Кто-то из них всегда будет беженцем,
ищущим новую родину.
И люди эти ищут родину,
где будет у них преизбыток жизни.
И люди эти ищут родину,
где обретут они душевный покой.
Ищут со страхом никогда не найти чудесное место
или, найдя, разочароваться в нем.

Жалид Сеули

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы в Марракеше. Сидим во внутреннем дворе риада «Альмулюк», от которого рукой подать до самой таинственной и самой волнующей из всех рыночных площадей мира, площади Повешенных, площади Джема эль-Фна, этого неумолчно бьющегося сердца Африки; мы ужинаем, завтра нам уезжать.

Новогодние праздники мы вот уже который раз встретили в Марокко, в Магрибе, это слово в переводе с арабского означает «запад» и является производным от «солнечный закат». Я в Марокко, вдали от любимой Германии, но недалеко от Европы, континента, где все мы родились. Здесь нет ни глупых фейерверков, ни шума, ни мокреди¹, здесь тысячи знакомых запахов, ослепительных красок, негромких звуков Востока и всего остального мира.

Ужин в риаде снова был великолепен, поистине баловство для нас, гурманов. Аиша, раньше прислуживавшая в риаде, теперь является главной поварихой. Добрым духом риада она остается и сегодня. Блюда были необычайно сытными – говядина со свежими, сбрызнутыми лимонным соком артишоками, приготовленная традиционно, в глиняном таджине, где мясо томилось не один час. Если бы мне пришлось заказать себе последнюю трапезу перед казнью, я попросил бы это кушанье. За большим длинным столом все мы, гости, возбужденные изысканной кухней, пришли в прекрасное вольное настроение. Возникло удивительное и вместе с тем знакомое ощущение, словно все мы впервые встретились друг с другом очень-очень давно, задолго до постройки риада

¹ Мокредь – сырость, грязь, дождливая погода. – *Здесь и далее прим. ред.*

и его дворика в мавританском стиле, которым почти триста лет. Здесь сразу замечаешь, что в архитектуре риада смешались разные стили – это и королевский дворец, и городской дом, а пышный цветущий сад, мавританский двор и обсаженный розами фонтан укрывают тебя от внешнего мира; все здесь ведет внутрь и помогает тебе постичь то, что внутри у тебя самого, – твое сердце.

Мои дети Зара и Элиас уже заснули в своей комнате на втором этаже, устав от буйной суеты дня, который оказался слишком коротким. Мы сидим за большим столом, мы – это Адак, моя чудесная жена, по крови персиянка, Омар, заботливый и щедрый хозяин риада, забавно говорящий по-немецки с отчетливым швейцарским акцентом, Томас, преуспевающий музыкальный продюсер из Базеля, его симпатичная подруга и я. Разговор за ужином шел о том, что каждый из нас пережил недавно или давно, о том, что еще хотел бы пережить и узнать. Томас рассказал нам, что его прабабка, когда ей было шестнадцать лет, сбежала из дому и ее поймали полицейские в Танжере.

– Как она очутилась в Танжере, городе на севере Марокко? – удивился я. Томас этого не знал, однако страшно гордился необычайной историей своей прабабушки.

Возвращаясь в Берлин, я опять подумал с недоумением: что в те давние времена повлекло юную швейцарскую девушку в Танжер? Почему она отправилась именно в Танжер? Может быть, ее сердце билось в особом ритме, не в лад с сердцами окружающих людей, и ей казалось, что никто ее не понимает?

Многие ли ощущают в своем сердце этот особый ритм и чувствуют себя непонятыми там, где они родились, и просто стремятся покинуть дом? И много ли тех, кто не решается прислушаться к своему

внутреннему чувству и действительно уйти, куда-то отправиться, покинуть свое привычное окружение? А если даже решаются, то, может быть, они отправляются не на поиски себя самих, а на поиски какого-то определенного места? Люди покидают родные края и не ощущают тоски по родине. Ими владеет тоска по дальним краям.

Тоска по родине тяжела лишь тогда, когда ты покинул родной дом. Если у тебя нет родного дома, тоска по родине не заставит тебя вернуться назад.

Люди без родины плывут по течению и не дают себе передышки. Их слишком вдохновляет неумная жажда дальних странствий.

«Как бы мне хотелось хоть раз послушать самого себя как чужого человека, не узнавая в нем себя самого, и лишь потом понять, что это был я сам», — пишет Элиас Канетти¹.

Где находится Танжер?

Бегство не обязательно заканчивается достижением цели, а вот поиск может так завершиться. Об этом рассказывает марокканский писатель Махи Бинбин в своей книге «Каннибаль». Двоюродные братья попытались перебраться на европейский континент и во время своих скитаний сблизились. Причем несмотря на то, что бешеный, огромный морской вал перевернул их суденышко и о дальнейшем плавании пришлось забыть. Все закончилось слишком быстро. Но это позволило беженцам лучше, чем когда-либо ранее, осознать свою особую близость. Конец стал началом.

Бегство нередко сопряжено с большой болью, телесной и душевной.

¹ Канетти, Элиас (1905–1994) — австрийский, болгарский, британский писатель, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе (1981).

Мне вспоминается один старый человек, с длинными белыми волосами. Он родился и вырос в Афганистане. Я лечил его жену. Мы оба радовались улучшению ее состояния. Как-то раз я спросил афганца о его родине, и он рассказал мне одну из историй о Ходже Насреддине. Однажды Насреддин ночью потерял ключ от своего дома и попросил соседей помочь ему искать ключ. После безуспешных поисков Насреддин сказал, что ему, дескать, кажется, что ключ он оставил дома. Соседи пришли в замешательство: «Почему же ты попросил искать ключ здесь?» Насреддин не растерялся: «Потому что дома у меня нет света, а значит, там, в темноте, искать бессмысленно».

Нам обоим стало жаль, что история так скоро закончилась, и мы некоторое время молчали, каждый внимал ее отзвукам в своей душе.

Потом я все-таки снова спросил дружелюбного старого человека, где его родина. Он ответил: «Мне пришлось покинуть страну, в которой я родился. Там нельзя было жить, там моя жизнь подвергалась большой опасности. Я уже давно перестал искать место, которое я зову своей родиной. Моя родина там, где мои дети и внуки растут, не зная страха, и где мне самому предоставлено право решать, какую книгу я могу им почитать».

Люди многое оставляют во время бегства, им приходится многое покидать, некоторые навсегда отрываются от своих корней и не находят покоя в жизни, им никогда уже не почувствовать любимый, чарующий аромат своей потерянной родины.

Танжер, я зову тебя...

ИСТОРИИ О БЕГСТВЕ, БОЛИ, ТОСКЕ И ДРУГИХ ДВИЖЕНИЯХ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Люди отправляются в путь отчасти сознательно, отчасти — бессознательно. Бегство ли, паломничество ли по различным местам этого света — то и другое требует совершения бесчисленных шагов по земле, но еще больше — движений сердца и души. Возможность идти и пребывать наедине с собой является вознаграждением за бесчисленные, часто болезненные шаги. Лишь это движение в одиночестве позволяет нам достичь остановки и быть «в себе». Тело движется — дух и душа могут наконец успокоиться.

Слепое бегство куда-нибудь непременно заканчивается внутренней эмиграцией.

Американский писатель Трумэн Капоте писал, что, перед тем как отправиться в Танжер, надо предпринять следующее: сделать прививку от тифа, снять с банковского счета свои сбережения и попрощаться с друзьями. Дело в том, что никогда не знаешь, вернешься ли назад, потому что Танжер людей не отпускает.

Танжер, terra incognita.

Многие думают, что Танжер – город, где нечего ждать.

Чего человек может ждать от города?

Чего я жду от Танжера?

Может быть, Танжер поможет мне лучше понять мою радость, мою меланхолию, силу моей души и мне будет дано переживать все это еще интенсивнее. Может быть, Танжер поможет мне заново открыть мои мечты и фантазии, которые сегодня кажутся забытыми. Однако нет сомнений, что и сам Танжер – моя цель, символ моей сугубо личной исследовательской экспедиции.

Танжер, я никогда не жил в тебе, и я не беру на себя смелость судить о тебе, но я ощущаю глубокую связь с тобой. Танжер, я иду к тебе, чтобы прийти к самому себе. Я отправляюсь в путь. И надеюсь, что ты позволишь мне узнать тебя и дашь мне возможность лучше понять мои собственные чувства и желания.

Я гуляю в Берлине, городе, где я родился и живу. Поднимаюсь на Чертову гору, сооруженную на послевоенных развалинах.

Под моими ногами, на большой глубине находятся камни фундамента, заложенного для здания факультета военной техники, нацисты планировали построить его в своей «столице всего мира». Ныне эта начатая стройка вместе с обломками разбомбленных домов лежит в глубине живописного

холма, на котором пышно зеленеют высокие лиственные деревья. Мало что напоминает здесь об истории – лишь там и сям из черной земли торчит кусочек кафельной плитки или кирпича, больше ничего. Смотрю сверху на город, он – мой, я – часть города. Я люблюсь воздушными змеями, парящими вдалеке, у горизонта, где уже алеет закат.

Вернувшись домой, я лежал на диване в своей комнате, в которой доминирует белый цвет, смотрел на картину, висящую здесь, – вид площади Джема эль-Фна, площади Повешенных в Марракеше. И я решил, что отправлюсь туда на поиски людей и их историй. Никогда ранее я не переживал такого сильного желания пуститься в путь, как в тот день.

Многие выходцы из Европы и Америки, люди, бежавшие или все еще бегущие, живут в Танжере. Многие уверены, что в Танжере все можно купить, даже счастье. Однако многие из этих людей напоминают убежавших собак, которые бегут, волоча за собой поводок, этот поводок – их собственное прошлое, которое они пытаются вытеснить. Но так как они не могут вытеснить прошлое и оно мешает их жизни в настоящем, они никогда не прибывают в Танжер, это лишь видимость, что они живут в Танжере.

Писатель из немецкого города Хемниц Хадайт-ятулла Хюбш пишет: Танжер – это клиника для сумасшедших, которых заперли, потому что они слишком мало хотели знать о мире и слишком много – о самих себе.

Видимо, бегство – главная тема Танжера, бегство во все стороны света.

Люди нового мира стремятся в Танжер, люди старого мира – в Европу или куда-нибудь. Нет числа африканцам, которые рискуют жизнью, лишь бы бежать из этого крупнейшего города-порта. Раньше они голодали, но, приехав сюда, они стали обречены на бездеятельность. Мужчины и женщины из Конго, Камеруна, Либерии, из многих столь бедных стран столь богатого африканского континента, преисполненные сил и пережившие самые невероятные истории, надеются, что Танжер будет временной остановкой на их пути, однако лишь немногие добираются на европейский континент и лишь немногие, достигнув желанной цели, действительно счастливы. Танжер – это зал ожидания на пути в Европу.

В новой медицине Танжера люди движутся во всех направлениях. Они снуют по улицам то в одну сторону, то в другую, а потом вдруг сворачивают в какой-нибудь переулок. Многие останавливаются на большой террасе, площади Де Фаро. Сегодня она известна под названием Сур аль Маагадзин, то есть площадь Ленивых, *Terrasse de Paresseux*. Это одно из любимых мест здешних жителей, и мое тоже.

Я спускаюсь вниз, к набережной, иду по великолепной пальмовой аллее, вдоль плайя де Танжер, ненадолго сажусь отдохнуть на старой скамейке, здесь я уже неподалеку от порта. Я прислушиваюсь к разговору двух парней с короткими курчавы-

ми волосами. Они то ли не замечают меня, то ли игнорируют. Я ведь не опасен. У них особое чутье на опасность. Они беседуют по-французски, одному не больше двадцати лет, другому, пожалуй, уже за тридцать. Оба стройные, даже слишком худые, одеты бедно, на ногах сильно поношенная обувь. У младшего парня подметка туфель прохудилась, в дыре просвечивает темная кожа. Разговор идет о Европе, но оба подразумевают под Европой только Испанию, Францию и Германию. Обсуждают автомобили, свою родню, холодильники, рестораны.

Они хотят жить в Испании, поближе к богатству, чтобы, если повезет, выбраться из бедности. Сами они из Бамако, столицы Мали, прибыли с востока, через Уджду, от которой до границы Алжира и Марокко километров десять. Своим положением в Марокко они недовольны. В Марокко их не ждут, а в странах Европы тем более. «В своей жизни мужчина должен построить дом, есть такая африканская пословица», – говорит младший парень. Старший рассказывает, что мечта о Европе появилась у него еще в детстве. Люди, которые рано достигают поставленной цели, по-настоящему счастливы, говорит он.

Некоторое время, рассказывает старший, он проработал на цветочной плантации, откуда поставляют в Германию рассаду герани. И ему хочется посмотреть страну, где цветут эти герани. Понаслышке он знает, что в Европе существуют такие краски, каких африканцы в глаза не видели, и что в Европе даже собак водят к врачу и у собак есть

паспорта. А у него вообще нет никаких официальных документов.

– Незаконные мигранты должны пересечь несколько границ без документов и без денег, – отвечает младший. – Если европейским собакам так хорошо живется, то могу себе представить, как там люди живут.

Старший напоминает:

– Но у них там полным-полно правил для всего на свете. Например, строго запрещается есть руками, надо пользоваться столовыми приборами, которые делают из дорогих металлов. – Он умолкает и через некоторое время говорит: – Я голоден, Африка всегда голодает.

– Да, – соглашается младший, кудрявый. – Даже это море никогда не бывает сытым. Скольких наших братьев и сестер поглотило море, у скольких отняло мечту...

Их взгляды бесцельно блуждают по безотрадному окружающему ландшафту. Потом оба парня, устремив взгляд на Гибралтар, синеватый у горизонта, надолго умолкают.

На море направлены испанские и португальские пушки, на Гибралтар взирают и глаза многих марокканцев. Даже издали хорошо видны волны, выплескивающие белую пену на морской берег, как будто море хочет в чем-то исповедаться, чтобы защитить свою завораживающую синеву. Если в Танжере ты однажды не пожалеешь времени и взглядишься в морские волны, они тебя никогда уже не отпустят. Подними камешек, поброди

по воде у берега, и ты почувствуешь, какая сила покоится в Танжере и в твоём сердце.

Оба молодых человека все смотрят и смотрят на море, наверное, хотят разглядеть там, за ним, вдалеке, что может предложить им будущее. В Танжере только иностранцы и туристы смотрят на море, африканцы же всегда пытаются разглядеть что-то за морем.

Приезжие считают волны, чтобы убить время, считают белые беспокойные гребешки, бегущие навстречу городу и людям, глядящим на море. Из марокканцев же мало кто обращает внимание на волны, зато не может удержаться, чтобы не смотреть в заморскую даль.

Море – не пейзаж, море – образ вечности, сказано у Томаса Манна.

Я смотрю на пушки, стоящие на площади Ленивых, и на молодежь, которой полно на этой площади. Ни пушки, ни люди не хотят защищать Танжер, они не хотят войны, а хотят диалога.

Площадь Ленивых в новом городском центре не соответствует своему названию. Все в Танжере знают ее, но никому не известно, почему площадь так названа. Люди здесь уж точно не ленивы, они разве что устали, так, во всяком случае, кажется. Устали томиться, устали от того, что не имеют надежды.

«Мое мученье – этот вид», – написал революционный поэт из Танжера Мухаммед Шукри.

Многие люди находятся в положении беженцев, по самым разным причинам. Многие покидают Танжер, бегут дальше, многие завершают в Танжере свое бегство.

Мои родители отсюда, из Танжера, отправились в Германию, хотя никогда раньше не слышали немецкой речи и не знали ни одного немецкого слова.

Какая же сила жила в них, если они отважились на этот прыжок над водами великого океана! Они успешно его совершили. Моя мама родилась в горном селении и, понятно, не умела плавать. Ей всегда было страшно, и не только на корабле, но и на твердой земле, однако страх никогда не парализовал ее волю. Надежда и вера были сильнее страха, который внушали ей и морские воды, и грядущие возможные несчастья. Благодаря надежде и вере в добро, она не поддавалась страху, страх не мог ее остановить. Она покорно и безропотно принимала удары судьбы, даже в плохом умея находить что-то хорошее. Это отношение ко всему, что бы ни случилось, и позволило ей идти вперед по неизвестному пути.

«Как погода, да, да, Жалид в точности как погода – то солнце, то дождик, но чаще все-таки солнце». Мне понравилось, как мама истолковала мой знак зодиака Овен. Дело в том, что по-немецки слово «овен» («Widder») звучит почти как слово «погода» – «Wetter», но мама об этом не подозревала; за много лет она так и не заметила тонкого различия двух немецких слов. Но мама всегда так радостно

улыбалась, и ее глаза так ярко сияли от гордости, когда она говорила о «погоде», что никто, в самом деле никто, не решался указать ей на ошибку.

Мою маму зовут Зохра, берлинцы же звали ее Зорайя, с долгим «о» и долгим «а». Несколько лет тому назад она рассказала мне, что в первое время жизни в берлинском районе Веддинг, выходя из дома, рисовала на тротуаре знаки кусочком угля – у нас было печное отопление, – чтобы потом найти обратную дорогу. Не зная языка, она не могла прочесть названия улиц или расспросить прохожих. Штральзундерштрассе, Брунненштрассе, Штрелицерштрассе, Вольташтрассе или Ам-Эндештрассе – для нее это были знаки и звуки чужого мира. Мира, в котором она должна выстоять. Альтернативы у нее не было. Ее ободрял один берлинский пекарь, в его пекарню мама каждый день заходила с детьми, родившимися уже в Берлине, – моей сестрой Латифой и братом Абдельхамидом. Пекарь улыбался, шутил с детьми. Это придавало сил маме, обнадеживало, и она смущенно и приветливо отвечала улыбкой.

Не всё, но многое хорошее в жизни начинается с улыбки.

Что гонит человека в незнакомое место и что происходит с людьми, которые хотят попасть куда-то, но не достигают своей цели? Их постоянно мучает жажда недостижимого или их гнетет печаль, словно окутывая тяжелым покровом?

Есть ли на свете такие люди, которые могут сказать о себе, что они счастливы, несмотря на то что никогда не искали место своей мечты – или как раз потому, что не искали его? И должны ли мы непременно побывать в таком вот особенном месте, чтобы познать что-то другое, чужое для нас? Необходимо ли это познание для того, чтобы мы смогли познать самих себя? А не связан ли страх перед чем-то чуждым с нашим страхом перед нашим собственным «я»?

Лишь тот, кто уходит, кто пребывает в движении, кто покидает защищенное, безопасное, знакомое пространство, может понять себя самого. Тот же, кто остается внутри своего пространства, вероятно, всегда видит лишь внешнее и никогда не сможет узнать, что значит быть наедине с собой. Уход, бегство, движение к чему-то чужому может и не ориентироваться на какое-то определенное место, может не быть физическим путешествием: для этого движения необходимо лишь живое и правдивое зеркало, в котором можно рассмотреть самого себя. Отражение твоих чувств и надежд поможет тебе наконец приблизиться к себе самому.

Смотри на Танжер, и ты увидишь в Танжере самого себя.

Танжер имеет долгую и бурную историю, этот город всегда был жарким местом пересечения различных культур. Его жители называют свой город Танджа – вроде бы грубовато, но все же звучит мягче,

чем французское произношение слова Танжер. Разные звуки разных языков обозначают один и тот же город.

Танжер, портовый город на северо-западном побережье африканского континента, расположен близко от Европы. Лишь неширокое водное пространство отделяет Танжер от Барселоны и других европейских городов. Ровно четырнадцать тысяч метров от Танжера до Альхесираса в Испании. Пролив и узкая полоска суши отделяют Танжер от Европы. На африканском континенте находятся испанские анклавы Сеута (по-арабски Себта) и Мелилья, отделенные от Марокко полосой черного песка – границей, для многих непреодолимой. Одни ненавидят эту преграду, другие говорят, что она защищает их благосостояние от нападений¹.

На побережье близ Танжера то и дело находят старую одежду и вещи, которые больше не нужны беженцам, – рваную бумагу, отслужившие зажигалки, сношенные туфли без шнурков с оторванными подметками.

До Берлина, города моего рождения, расстояние от Танжера в двести раз больше, чем расстояние от Танжера до Сеуты. Я помню все названия городов, которые прочитывал на дорожных указателях во время наших ежегодных летних поездок на «ро-

¹ Начиная с Реконкисты Испания завоевала и удерживает территории в континентальной Северной Африке на южном побережье Средиземного моря на границе с Марокко для обороны от грабежей с этих мест.

дину» в переполненном и перегруженном вещами автомобиле. Однако в сами города мы не заезжали, на это не было ни денег, ни времени. Карлсруэ, Мюлуз, Марсель, Лион, Монпелье, Тулуза, Барселона, Сарагоса, Аликанте, Гранада, Малага. Мы, дети, не могли бы назвать ни одной достопримечательности этих городов, родители тоже, да и вообще никто из наших знакомых. Мы ведь были там проездом и хотели одного – наконец добраться в Танжер.

Всегда говорилось: мы едем на родину; я тогда еще не понимал этого слова, потому что ни с кем не обсуждал эту тему; родители никогда о родине не упоминали, или просто я не слышал этих разговоров. Только много лет спустя я начал догадываться о том, что это значит – чувствовать свою родину. Мне надо было многое увидеть и многое пережить, встретиться со многими людьми, чтобы я смог наконец ощутить на своих плечах теплый плащ моей родины. Без родины даже самые яркие лица бледнеют, и мое лицо тоже.

Родина там, где ты полней всего ощущаешь свою жизнь. Родина там, где ищешь свой внутренний мир, даже не зная, удастся ли когда-нибудь его найти.

Но каждому стоит отправиться на его поиски.

Поездки из Германии в Марокко были утомительными, даже сегодня, спустя много лет, они вспоминаются мне такими. Но мы любили ощущение безопасности в тесноте автомобиля, несмотря

на то что часто из-за аварий приходилось подолгу ждать на дороге, под палящим солнцем южного лета. Больше всех досадовал я – потому что предпочел бы остаться летом в Берлине и с утра до ночи гонять в футбол с моими берлинскими приятелями.

Но с каждым километром, приближавшим нас к Танжеру, моя злость, вызванная нежеланием куда-либо ехать, остывала.

И хотя мы, дети, завистливо смотрели на рестораны и кафе, стоявшие там и сям невдалеке от трассы, и мечтали о жареной картошке с кетчупом, нам очень нравилось то, что стряпала мама. Помню эти нехитрые блюда, приготовленные на маленькой газовой плитке: яичницу с луком и помидорами и великолепный марокканский рататуй. Отец находил место поспокойнее, где-нибудь на краю луга или поля, мы сидели кружком и любовались видом окрестностей, а потом, хотя эти привалы длились недолго, мы дремали, отдыхая от шума машин или беспокойных проверок при пересечении границ. Затем мама поспешно варила для отца кофе, наливала его в большой темный термос, и наше путешествие по направлению к Танжеру продолжалось.

Самый одуряющий аромат всегда и рождается, и живет в нашей памяти. Если поискать ассоциацию между путешествиями и каким-либо запахом, то от тогдашних поездок в моей памяти неотделим запах кофе. Если бы я подбирал сравнение из мира музыки, то это, конечно, песни египетской

певицы Умм Кульсум¹. К сожалению, некоторые записи пропали, так как магнитофон жевал ленту на кассетах, и все же песни Умм Кульсум постоянно сопровождали нас в поездках. А если бы я искал зрительный образ, служащий символом наших путешествий из Берлина в Танжер, то это, конечно, вид на море, который открывается вблизи Альхесираса, – увидев море, мы знали, что осталось всего несколько часов и скоро мы будем у цели.

Путешествие на автомобиле из Берлина в Танжер занимает четыре-пять дней. Чтобы попасть в Танжер, нужно потрудиться. Но ведь без серьезных усилий никогда не удастся узнать что-то необычайное, особенное. Танжер щедро вознаграждает затраченные усилия.

Этот город называют белой голубкой на плече Африки. Дома в Танжере почти сплошь белого цвета – здесь нет домов из пурпурно-красного камня, как в Марракеше, или лазурно-голубых, как в городах Шавене или Арсиле. Белый – основной тон Танжера, белый – фон для пестрого многоцветья Танжера. Я еду к прекраснейшим цветам и краскам.

История Танжера уникальна, уникально и его географическое положение, и его бесчисленные

¹ Кульсум, Умм (Фатма Эбрахим эс-Саййед эль-Бельтаги, 1904–1975) — египетская певица (контральто), автор песен, актриса. Одна из наиболее известных исполнителей в арабском мире. – *Прим. пер.*

тайны и скрытые от чужих глаз параллельные миры: долгое время город был подлинной Меккой для контрабандистов, маргиналов, авантюристов, эксцентрических личностей, самозванцев, рыцарей удачи и актеров всего мира. За это Танжер ценили, за это и презирали. Сюда регулярно приезжал страдавший меланхолией Ив Сен-Лоран. У него был свой дом на холме с великолепным видом на старую гавань.

В Танжере надо быть осторожным – местные карманники особенно активны в ранние утренние часы. Есть и контрабандисты; местные жители, *tangauis*, которые в большинстве не учились в школе, называют их «трабандос», а не так, как вообще-то полагается по-испански – «контрабандиста». Одни трабандос пользуются уважением, у других репутация скверная. Торговлю наркотиками и проституцию здесь презирают, но о контрабандных дорогих товарах говорят почтительно.

Подвергавшиеся преследованиям евреи и противники Франко, люди, искавшие нового места жительства, фашисты – все нашли пристанище в Танжере. Танжер принимает многих и многих, а вот отпускает кого-то крайне редко.

Многие завершили в Танжере свои скитания, многие, приехав сюда, вскоре тронулись в дальнейший путь. Как ни велики различия всех этих людей, Танжер придает им сходство, стирает различия и усиливает общие черты.

В Танжере ничего не приходится скрывать – ни опасное преступление, ни тяжкий порок. Танжер

многое позволяет, Танжер прощает. По улицам Танжера каждый может ходить гордо, с высоко поднятой головой. Каждый может с чистой совестью смотреть в глаза другим. Совесть никого в Танжере не интересуется.

Нет числа тем, кого магически притягивает Танжер: это бедняки и богачи, знаменитости и никому не известные люди. Кто-то бежал, кто-то степенно приходил, кого-то приносили на руках, кого-то изгоняли. Танжер любит кровь людскую, Танжер заставляет ее волноваться.

Для иных людей поиски составляют смысл и главную тему их жизни, неважно, сознают они это или нет.

Нет числа людям, искавшим свою собственную, личную историю. Лишь немногие сумели ее найти.

Тахир Шах, афганец, живущий в Марокко, в поисках своей истории, которую он тогда еще не знал, однажды в Касабланке никак не мог отделаться от торговца, назойливо предлагавшего что-нибудь у него купить. От растерянности, а также чтобы избавиться от надоеды, афганец сказал, что хотел бы купить оригинальное английское издание сказок «Тысяча и одна ночь» в классическом переводе Ричарда Фрэнсиса Бертона. Дело в том, что эту книгу отец афганца по закону восточного гостеприимства подарил пришедшему в дом незнакомцу, поэтому книга не досталась в наследство сыну. Запрос казался неисполнимым. Тахир был очень доволен собой – ведь он хотел отделаться от назойливого продавца, чего и достиг, задав ему столь сложную задачу: торговец оставил его в покое.

Прошло много времени, в жизни Тахира Шаха многое изменилось, и многое он успел забыть, в том числе свою мимолетную встречу с бродячим торговцем, когда-то постучавшимся в дверь его дома.

И вот, совершенно неожиданно, спустя долгие годы Тахиру звонит из Танжера некий итальянец и говорит: «Нужная вам книга у меня». Тахир не сразу поверил, однако быстро собрался и на поезде поехал в Танжер. Вскоре по прибытии он уже держал в руках книгу своего отца, которую купил за сущие гроши. Но Танжер одарил его не только книгой – благодаря Танжеру у Тахира появилась своя собственная особая история. Танжер никогда не забывает чьи-то пожелания.

Скажи Танжеру, что ты ищешь, и, может быть, он поможет тебе это найти.

Мой отец Абдулла Сеули приехал в Германию зимой 1960 года, сначала в Любек, город, как и Танжер, портовый, затем в Берлин.

Моя мать Зохра сначала оставалась в Танжере; когда отец уже находился в холодной Германии, мама заметила, что беременна – так она мне рассказывала.

Мама, по-видимому, помнила прежние времена лучше, чем отец. И она серьезнее говорила о прошлом, тогда как отец часто смеется, рассказывая о былых временах. Но если уж мама смеялась, то остановиться уже не могла. А улыбка у нее самая прекрасная на свете.

Наверное, болезненные воспоминания дольше живут в нашем сознании. Наверное, нам следует более интенсивно переживать доброе и прекрасное, чтобы эти впечатления так же глубоко врезались в память нашей души.

Танжер хранит в себе бесчисленные истории, бесчисленные мифы и сказания, с большинством из них я познакомился впервые. Но не все истории Танжер может отпустить на свободу, кому-то рассказать. «Пойди к морю, закрой глаза, и ты сможешь расслышать бесконечную историю Танжера», – посоветовала мне одна старая дама, жившая в касбе¹, когда я задал вопрос об истории древних городских стен.

Существует сефардское предание, согласно которому Ной, когда посланная им ласточка вернулась с ветвью оливы в клюве, воскликнул: «Эль ма меша у этт ин джа», то есть «Вода уходит, а глина возвращается назад». Считается, что сочетание звуков «тин джа» и дало городу название – Танджа, Танжер.

В V веке до нашей эры в Танжере пристал к берегу карфагенский мореплаватель Ганнон. Около 429 года нашей эры здесь побывали германцы – вандалы, покорившие последнюю римскую твердыню на севере Африки.

¹ Касба – зд. ограниченное стенами крепостное сооружение внутри старого города.

Арабы, пришедшие с Аравийского полуострова, где сегодня находятся Саудовская Аравия и Йемен, завоевали портовый город, представлявший важное стратегическое значение, в седьмом веке. Лишь тогда постепенно началось смешение арабов с берберами и другими африканскими племенами.

Но кто же создал Танжер? Кем были люди, решившие остаться в этом месте и построить город?

Как гласит одно из древнейших преданий, Танжер основал Антей, сын Посейдона, гигант, чей рост достигал шестидесяти греческих локтей. Геракл, наделенный сверхчеловеческой силой, расколол здесь сушу и создал морской пролив, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном. Несомненных доказательств этого полным-полно. И легенда, по единодушному мнению местных жителей, не является только легендой. Достаточно просто осмотреть пещеру Геркулеса, она находится в 20 километрах к западу от Танжера, на высоте около 300 метров над уровнем моря. Сразу видно, что Геркулес жил в пещере, там можно увидеть даже отпечаток его громадной ступни.

И восход, и закат солнца – грандиозное зрелище, когда любишься им, находясь в пещере Геркулеса, где между темными скалами открывается умопомрачительный вид на море. Он меняется каждую минуту, ни одна новая волна не похожа на своих предшественниц, ни один порыв ветра в Танжере не напоминает ветер, дувший накануне. Ветер Танжера не такой, как в других городах и портах мира, каждый его порыв уникален.

«Северный ветер раздает пощечины Танжеру и людям Танжера», – говорят жители города. Но если это пощечины, то они не причиняют боли, а только встряхивают и взбадривают, заставляют человека увидеть прелесть и красоту жизни, но также ее суровость и грубость.

Марокканский писатель Тахар бен Джеллун пишет: «Ветер свистит над их головами и мыслями».

В пещере Геркулеса ощущаешь могучую силу моря, и тебе для этого не нужен контакт с его бурлящими волнами. Иногда мы способны ощутить энергию стихии, присущую какому-то месту или человеку, не вступая в телесный контакт с ним. Танжер дарит своим гостям эту способность.

Я поднимаюсь к пещере Геркулеса, и меня охватывает восторг при виде бесконечного морского простора. Легкий ветер заставляет меня остановиться на мгновение и обернуться. Я смотрю на город, он простерся вдоль морского берега и похож на полураскрытую ладонь. Я ощущаю напряжение сил этого мира. Теплое Средиземное море и более холодный Атлантический океан словно борются за власть, но ни один из противников не хочет победить в этой борьбе. Я опускаю руку в воду – она то холодная, то секунду спустя – теплая.

Здесь очень быстро темнеет, быстрее, чем в любом другом месте. Начинается умопомрачительный закат. Время замирает. Синева, затем пурпур заливают небо над горизонтом. Эти картины говорят со мной без слов. Я пытаюсь понять – кажется,

они обращаются ко мне с прощальным приветом и просьбой. Тишину нарушает шум волн, ветер крепчает.

«Никогда не забывай Африку и свои корни, ведь Африка и твои корни едины, они не существуют друг без друга!»

Мне вспомнилась маленькая серебряная ложечка, которую я, когда мне было двенадцать лет, со всей силы швырнул в море на мысе Спартель. Серебряную ложечку мне подарил один близкий родственник мамы, уважаемый ученый, умевший изгонять злые силы и укреплять добрые посредством чтения сур Корана и некоторых заклинаний. Моя мама не сомневалась в его способностях. Мало того, она в течение многих лет часто обращалась к нему с теми или иными заботами и тревогами. Наверное, у нее накопилось немало доказательств его необыкновенных способностей, потому что до своих последних дней мама питала глубокое уважение к этому человеку. Однажды она меня привела к нему. Нас опередила женщина средних лет, и нам пришлось подождать. Встретив взгляд ее печальных темных прекрасных глаз, я сразу подумал, что в семье у нее какая-то беда.

После этой женщины настала моя очередь. Моя мама рассказала ученому, что у меня очень часто воспаляются глаза. Я порядком мучился из-за так называемых ячменей на веках, не помогали ни теплые примочки с настоем ромашки, ни прописан-

ные врачом мази. Ученый человек посмотрел на меня, улыбнулся и пригласил войти в комнату, где стены и пол были богато декорированы марокканскими красно-сине-белыми изразцами. Дело было во время летних каникул, стояла сильная жара, но в комнате царил приятная прохлада. Я присел на бирюзово-голубой восточный диван, рядом стояла деревянная вычурная этажерка, ученый попросил меня лечь. Не успел я как следует улечься, как он начал произносить какие-то непонятные, но благозвучные слова, он произносил их нарастающим и очень монотонно, и в то же время быстро. Сначала я оробел, а потом начал понимать смысл слов и почувствовал доверие к ученому. Слова были энергичными и обращались к моим глазам. Они звучали как-то совсем не по-нашему, но не были иностранными. Под конец он быстро провел серебряной ложечкой по моим векам. И отдал ложечку мне, наказав как можно скорей бросить ее в открытое море – вместе с нею канет в море моя глазная болезнь.

На другой же день я исполнил это удивительное приказание. Мы с родителями поехали на берег поблизости от Геркулесовых пещер, и там я, размахнувшись изо всей силы, бросил ложечку в Атлантический океан. Ложечка летела и летела вниз, казалось – бесконечно, и вдруг скрылась в волнах, которые нетерпеливо бились внизу. С того дня противные ячмени у меня никогда больше не появлялись.

ЖАЛИД СЕУЛИ О СЕБЕ

Я родился в Берлине. Я не выбирал этот город, и я его люблю. Все детские годы я играл здесь в футбол, я говорю по-немецки и люблю этот язык. Немецкий, слегка окрашенный берлинским диалектом, английский, в меньшей степени – французский и столь популярный в Марокко говор танжерцев – вот языки, на которых я говорю.

«Жалид» на письме – не типичное имя для марокканца, но когда отец и мама звали меня: «Жалид!», звучало вполне по-мароккански. На слух марокканцев и других арабов оно звучит странно, поэтому многие думают, что носитель этого имени иранец или выходец из какой-то соседней с Ираном страны. Однако и там нет людей с именем Жалид. Арабское соответствие – Халид или Халед, но в начале имени Жалид другой звук, более мягкий, чем это «х».

Родители, собственно, хотели назвать меня Халидом, но имели в виду, что произноситься это имя должно со слабым, мягким «х». С этим намерением они и пришли к служащему для регистрации рождения своего сына, то есть меня. Чиновник,

вполне дружелюбный, в те времена, наверное, нечасто имел дело с арабскими именами – он наморщил лоб и попытался повторить странное имя. Тут мои родители испугались, подумав, что славный немец подавился резинкой, которую жевал. «Кха-Кха-Кха... Да как же это пишется?» Родители беспомощно переглянулись, но постарались не показать своего смущения. Чиновник все же заметил их неуверенность, но тут его осенило – он просиял улыбкой, как будто впервые в жизни зарегистрировал брак и поздравляет молодых. «Начинается так же, как испанское “Хуан”, “Жуан”?» – спросил он. Родители обрадовались: им, уроженцам Танжера, это имя было прекрасно известно, а «Жалид» звучало куда привычней, чем ужасное, хрипящее «Кх-х-х-алид». Радостно переглянувшись, они кивнули.

Куда важнее, чем правильное написание имени, его история. Это мое убеждение, ведь история оказывает большее влияние на личность, чем буквы как таковые, если они вообще могут оказать какое-то влияние. Работа над этой книгой дала мне фантастическую, однако вполне реальную возможность вспомнить, каким я был в детстве, и снова стать ребенком. Я опять был ребенком среди других детей. Написание книги – волшебство, оно помогает мне читать мои собственные мысли.

В этой книге я рассказываю истории о Танжере и пытаюсь выявить и, может быть, понять свою собственную историю.

Удивительно и прекрасно размышлять о моей большой семье, родных братьях и сестре, моих детях и двенадцати кузинах и кузенах, об этом пе-

стром, живом сообществе. Я все больше осознаю, как много значат для меня мои близкие.

Я радуюсь успехам и горжусь своими братьями и сестрой. Все они живут, как и я, в Берлине.

Латифа, моя дорогая сестра, получила образование и работает медсестрой. Абдельхамид, старший брат, был мастером на производстве, однако сегодня он владелец хорошо известного обувного магазина, где продают обувь нестандартных размеров. Не сомневаюсь, он лучший в мире продавец обуви. Морад, мой дорогой младший брат, успешный юрист. Латифа и Абдельхамид родились в Танжере, Морад и я – в Берлине.

Моя мать Зохра Сеули прожила в Берлине много лет. Долгое время она работала санитаркой в одной из больниц берлинского Веддинга, в те времена рабочего района.

Мой отец Абдулла Сеули живет в Марокко, в самом удивительном городе на свете – Танжере. Он был фабричным рабочим, затем маляром, ремонтировал дома и квартиры. Женившись на Зохре, которой было тогда тринадцать лет, отец, двадцатилетний молодой человек, решил устроиться в Европе. Его младший брат выбрал Бельгию, отец же, не знавший ни слова по-немецки и вообще не владевший иностранными языками, кроме испанского, отправился в Германию.

С тех пор как старший брат Абдельхамид переехал из нашей общей квартиры в Веддинге в собственный дом, вся семья каждое воскресенье собирается за общим столом. Морад готовит лучшую на свете итальянскую пиццу, Абдельхамиду нет

равных в приготовлении марокканского королевского блюда – кускуса с жареным луком и изюмом, Латифа печет самые вкусные в мире пироги с вишневой начинкой, и только мне пока не удалось блеснуть каким-то особенным кулинарным достижением. Но я жду подходящего момента, и тогда все ахнут от удивления.

Зато я благодарный едок, удовольствие, получаемое от вкусной еды, связано для меня с чувствами уважения и любви, но прежде всего с сознанием безопасности. Этим, конечно, объясняется и моя неудовлетворенность, которую я ощущаю, если, придя вечером домой, не получу вкусного горячего блюда. Еда для меня – вознаграждение, возможность побыть наедине с самим собой и своими чувствами. Но важно и многое другое: еда должна иметь определенный, особый вкус, и сервировка, и то, как разложены на тарелке те или иные кушанья, а люди, вместе с которыми я сижу за столом, должны быть близкими мне и тоже должны быть особенными. Лишь при этих условиях возникает ощущение безопасности, которое, как я замечаю, дает мне большую силу и энергию.

С едой связаны воспоминания о маме. Она готовила замечательно, и для каждого из своих детей у нее было особенное блюдо.

Потому что у каждого из нас были свои пристрастия и излюбленные блюда. При этом каждому казалось, что это и мамино любимое блюдо. Морад в детстве любил жареную картошку, и мама подавала ее в особом, свернутом из кулинарной бумаги пакете. Я любил ванильный пудинг, немецкий

айнтопф¹ и «бедных рыцарей». Как они вкусны – обжаренные до золотистого цвета кусочки хлеба, которые перед жаркой окунаешь в молоко с яйцом. «Бедные рыцари» – старинный рецепт немецкой кухни, они упоминаются даже в классическом многотомном толковом словаре братьев Гримм. Это было мое любимое лакомство, которое, правда, мама давала мне только на завтрак.

Снова и снова я задаюсь вопросом, откуда мама знала так много замечательных немецких блюд. Кто-нибудь рассказывал на работе, или соседки, жившие на заднем дворе, или те, с кем она работала в пекарне, где была прислугой, или она узнала их позднее, на кухне в больнице, где работала санитаркой?

Мое личное меню – это моя культурная идентичность, а не просто привычка или ритуал. Из блюд марокканской кухни мне кажется самым вкусным суп харира, готовить который долго и хлопотно. И продуктов нужно много и самых разных: овощи, курица, имбирь, перец, куркума, кориандр, соль, горох, рис, лапша. Существует тысяча и один способ приготовления хариры, но каждый марокканец, когда бы он ни ел этот суп, сравнивает его с тем, который готовила его мать. Я в детстве соглашался есть только хариру моей мамы. Другие казались мне либо слишком жидкими, либо пересоленными или недостаточно пряными, слишком темного или слишком светлого цвета.

¹ Айнтопф – блюдо немецкой кухни, густой суп, заменяющий собой первое и второе блюдо. – *Прим. ред.*

Наверняка не задумываясь об этом, мама, готовя и немецкие, и марокканские кушанья, тем самым дала своим детям возможность идентифицировать себя одновременно с двумя культурами. Для нас не было «или – или», нам не приходилось делать исключительный выбор между марокканской харирой и немецким айнтопфом, мы с удовольствием ели и то и другое. Нам нравились все, хотя и очень разные, блюда, и не играло роли, к какой кухне они относятся. Приготовленные руками мамы, они были уже не чужими, а нашими любимыми.

С годами я становлюсь все более восприимчивым к восточной культуре, но я люблю свою европейскую и немецкую идентичность. Мне кажется, что я много лет не воспринимал осознанно свой марокканский мир чувств и, более того, сознательно его игнорировал и подавлял в себе.

Наверное, это было счастливым случаем – то, что родители не оказывали на нас давления, не принуждали изучать язык наших предков, чтобы сознательно быть приверженными их культуре. Родители воспитывали нас не словами, а делом. Или же они, неграмотные и не знающие чужой культуры, просто не в состоянии были не только материально обеспечить жизнь семьи, но и дать своим детям помимо немецкого школьного образования, к которому родители относились с большим почтением, еще и возможность изучать марокканский вариант арабского языка? Родители ведь сами никогда не учились в школе. Может быть, они слишком почтительно относились к Гер-

мании и слишком мало верили в свои собственные способности. Может быть, они были убеждены, что мы когда-нибудь сами осознаем свою ностальгию по Марокко.

Мама была неграмотной. Я никогда этого не стыдился. И снова и снова удивлялся тому, что у людей, которым я об этом говорил, вытягивались лица. Мама была неграмотной, умела написать только свою фамилию. Однако разговаривала на нескольких языках и многое знала о жизни и обычаях других культур. Неграмотных людей вовсе не нужно жалеть. Новейшие исследования показали, что у неграмотных высоко развит интеллект, потому что их воображению постоянно приходится работать в полную силу, мысленно описывая те или иные вещи, чтобы их запомнить. К тому же они общаются непосредственно, не прибегая к помощи бумаги и дорогостоящих компьютеров. Возможно, с этим связана моя любовь к устным рассказам, к словам и речам людей.

Не так давно мой друг Ибрагим рассказал маленькую историю, которую привез из своей последней поездки в Танжер.

Однажды вечером он сидел на бульваре в одном из восточных, но отчасти европеизированных кафе и услышал громкий разговор за соседним столиком. Разговаривали пожилой, элегантно одетый марокканец и молодой человек в потертых джинсах. Очевидно, они раньше не были знакомы, просто разговорились и теперь болтали без умолку — о политике, о знаменитых и одиозных личностях этого мира.

Старый марокканец, видимо, был по профессии орнитолог, он рассказывал о птицах, обитающих на самых разных континентах, использовал их латинские и арабские названия, знал, когда и где они выют гнезда, когда улетают в другие страны. Он говорил без остановки, описывал оперение птиц, всевозможные формы клювов, как вдруг молодой человек его перебил. Он догадался, как остановить бурный словесный поток. «Извините, – сказал он, – я в самом деле мало что знаю о птицах. Но позвольте загадать вам загадку. Как называется птица, которую изображают сидящей на плече пророка Соломона? Эта птица принесла ему весть о царице Савской».

Пожилой марокканец молча размышлял, пытался вспомнить, но так ничего и не вспомнил. Молодой, по-видимому, в душе веселился и рад был наставшей тишине. Потом спросил: «Хотите, подскажу?» – «Да-да, подскажи. Хотя я точно вспомню, непременно вспомню... Ну да ладно, подскажи». – «Она упоминается в Коране, в Библии. Она является национальным символом Израиля». Не помогло: старик даже от досады зубами заскрипел, но отгадать загадку не смог.

«Хорошо! Говори, что это за птица!»

Молодой с минуту упивался своим торжеством, наконец сказал: «Это угод».

Старик, всплеснув руками, испустил громкий вопль. Потом выразил свое недоумение – откуда столь молодой человек знает такую трудную загадку. «Мне рассказала об этой птице одна пожилая француженка, которую я водил на экскурсию по

Сокко. У нее был амулет в виде этой птицы, я спросил, она и рассказала мне об удоде».

«И ты все это запомнил?»

«Ну конечно. Она приятная женщина, а я люблю слушать приятных людей. Слушать случайных знакомых – моя школа жизни», – сказал он с лукавой улыбкой.

В берлинской школе мои приятели и я никогда не упускали возможности вместо урока религиоведения поиграть в футбол во дворе дома, где жил один из нас. Ни школа, ни родители не оказывали на нас давления в вопросах религии, но мы знали, что во время молитв нельзя шуметь. Молитвы были частью нашей жизни, хотя мы никогда не молились все вместе и родители никогда не рассказывали нам ничего из Священной истории. Мама научила нас уважению ко всем существующим религиям. За это я благодарен родителям.

Я думаю о вас, родители, я испытываю к вам чувство глубокого уважения, я восхищаюсь мужеством, которое вы проявили, расставшись с родной культурой, чтобы открыть детям новую культуру, дающую, как кажется, более широкие возможности. Это мужество свидетельствует о большой силе и крайней самоотверженности. Мои родители были готовы нести эту большую ответственность за себя самих и своих детей, не зная, какой будет конец у истории, однако не теряя надежды и веры в ее доброе завершение. Эту силу моих родителей я считаю своим долгом сохранять и нести дальше и беру на себя эту ответственность, пусть иногда их представления о будущем и оборачиваются нелег-

ким бременем. Их сила составляет мою гордость и наполняет меня уверенностью, что я смогу преодолеть даже те препятствия, которые кажутся непреодолимыми. Эту уверенность я надеюсь передать своим детям. Пусть и они верят в свои силы и верят в добро. Вера предшествует знанию.

Мама любила готовить и готовила много. Морад почти каждый вечер получал жареную картошку, кусок серого хлеба с сыром и очищенное яблоко. Абдельхамид и Латифа предпочитали марокканские блюда. Я же просил большой кусок баранины, или стейк из говядины, или немецкий айнтопф, густой суп из риса, картофеля, курицы и зеленого горошка. И буквально таял от удовольствия, когда мама подавала мне сладкий ванильный пудинг с кусочками банана: пудинг непременно горячий, бананы без единого темного пятнышка.

Сегодня 10 октября, день рождения мамы, я ставлю ее портрет на круглый стол в моем кабинете в клинике. Со дня маминой смерти прошло два года.

Сегодня я куплю цветы и вечером брошу их в один из многих рукавов ШПрее.

У меня уже начался прием, входит первая пациентка – врач на пенсии, женщина неукротимой жизненной энергии. Она дарит мне великолепный букет – яркие подсолнухи, розы, сочные темные листья, пунцовый георгин, ежевика на ветках, хризантемы. Думая о маме, я снова становлюсь ребенком. Чудесное чувство! Букет большая радость

для меня, я кладу его на стол, к портрету мамы. Даже рядом с пестрым цветочным великолепием лицо мамы сияет светло и ярко. Я часто забываю дни рождения людей, у меня не очень-то хорошие отношения с цифрами, что арабскими, что римскими. Но 10 октября я никогда не забываю, и мне приятно, что кто-то из знакомых тоже родился в этот день: лучшая подруга моей секретарши, представитель фармацевтической компании, охранник, коллега из Университета Сайтама в Японии.

Я наконец еду домой, цветы лежат на сиденье справа от меня. Уже стемнело. Небо тоже плачет. Проезжаю район Шенеберг, минуя улицу Гроссгершен, еду вдоль кладбища Св. Матфея, где упокоились многие знаменитые люди – братья Якоб и Вильгельм Гримм, Рудольф Вирхов и другие. Не так давно я слышал, что на берлинских кладбищах все чаще воруют. И не только цветы, как это случается в Танжере, но и медные детали, бронзовые статуи и металлические таблички или отдельные буквы пропадают темными берлинскими ночами с могил богатых людей.

Выхожу на набережной. Ветер бросает в лицо пригоршни ледяной воды. На мосту пусто, вода кажется неподвижной и покорно принимает льющиеся сверху капли. Посылаю свой первый привет маме – желтую розу. Потом бросаю еще четыре розы, это мы, четверо детей, которым очень не хватает мамы и которые никогда не утратят связи с ней...

Осенью в Германии листва быстро осыпается с деревьев и, падая, кружится над холодной землей.

Совсем по-другому в Марокко – там высохшие и пожелтевшие на солнце листья летят вверх, к небу, и не сразу, а через некоторое время опускаются на сухую землю. И кажется, что этим листьям, несмотря на горечь разлуки с родным деревом, нравится их полет.

Обернувшись, я вдруг ощущаю ветер Танжера, ощущаю сильнее, чем когда-либо раньше, и понимаю: все мы – перелетные птицы, все мы, как птицы в Танжере, любим движение, солнце, любим песни и бесплотный ветер.

Танжер, я уже на пути к тебе.

КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ

БАЙСАР

(северомарокканский бобовый суп)

От Абдельхамида Сеули

На четыре порции.

400 г свежих очищенных бобов

соль

1 красный стручковый перчик

3 зубчика чеснока

оливковое масло

тмин

Бобы положить в кастрюлю и промывать, пока вода не станет полностью прозрачной.

Для получения супа хорошей густоты необходимо, во-первых, взять правильное количество воды – около 1 литра, во-вторых, варить суп на медленном огне, постоянно снимая пену.

Отварить бобы на маленьком огне, постоянно снимать пену (крахмал), пену выбросить. Процесс варки может продолжаться несколько часов – чем дольше, тем лучше.

Очистить зубчики чеснока и целиком бросить в суп. Также целиком – маленький красный перчик для пикантности. Когда бобы разварятся и станут мягкими, миксером измельчить их в однородное пюре.

В последний час варки посолить суп.

Разлить суп в маленькие мисочки, добавить в каждую немного оливкового масла.

Посыпать щепоткой тмина и молотого перца чили. Блюдо готово!

КАЛЬЕНТЕ

(танжерский горячий пирог с нутом)

От Абдельхамида Сеули

На четыре порции.

250 г муки из гороха (нута)

2 яйца

черный перец

подсолнечное масло

оливковое масло

морская соль

тмин

Муку высыпать в посуду, добавить щепотку морской соли, 500 мл воды и одно или два яйца. Все тщательно перемешать.

В полученную однородную массу добавить щепотку молотого черного перца, 4 столовые ложки подсолнечного масла и, по желанию, также 1 столовую ложку оливкового масла.

Дать массе постоять 30 минут, при необходимости помешивая, чтобы горох и масло лучше соединились. Получится желтоватое тесто густоты яичного желтка. Вылить его в смазанную подсолнечным маслом форму для запекания размером 40 на 20 см. Поставить в разогретую духовку, выпекать до образования тонкой золотисто-коричневой корочки.

Слегка остудив, разрезать на небольшие прямоугольные кусочки. Подавать горячим (теплым). На столе можно посолить и приправить пирог тмином.

КАЛАМАРИ

(с пряной начинкой, по-танжерски)

От Набиля Итри

На три-четыре порции.

150 г томатов

8 каракатиц

125 г риса

1 пучок свежего кориандра (кинзы)

1 пучок свежей петрушки

4–6 зубчиков чеснока

оливковое масло, соль, черный перец,

красный перец, сок лимона

Каракатиц ополоснуть чуть теплой водой, измельчить и положить в миску полпучка кинзы и полпучка петрушки. Сварить рис до полуготовности, перемешать с петрушкой, кинзой и измельченным чесноком (3 зубчика). Этим фаршем начинить каракатиц; чтобы фарш не вываливался, заколоть нафаршированную каракатицу деревянной зубочисткой.

Мелко нарезанные помидоры посолить, поперчить черным и красным перцем, добавить оставшуюся зелень кинзы и петрушки, а также чеснок, все перемешать и припустить. Это основа для соуса, в котором затем будут обжариваться каракатицы.

В оставшийся рис влить две столовые ложки оливкового масла, слегка посолить, поперчить, подогреть на маленьком огне.

Каракатиц медленно, на маленьком огне обжарить в оливковом масле.

Сбрызнуть каракатиц лимонным соком. Блюдо готово.

КАБАКИЯ (печенье).

Готовится в месяц поста

и по особо торжественным случаям

От Абдельхамида, Морада и Латифы Сеули

1 кг муки

кунжут (обжаренный и молотый)

300 г сливочного масла

200 мл оливкового масла

анис (обжаренный и молотый)

1 чайный пакетик молотого фенхеля

2 маленькие палочки корицы

(толченой и затем смолотой)

пол чайной ложки камеди (гуммиарабика)

200 мл розовой воды

1 пакетик кулинарного разрыхлителя

2 нити шафрана

2 яйца

100 мл уксуса

200 г цветочного меда

Все ингредиенты перемешать в большой миске. Месить до тех пор, пока тесто не приобретет плотную консистенцию.

Дать тесту постоять 20 минут при комнатной температуре.

Раскатать тесто в пласт толщиной 3 мм.

Роликовым ножом для теста нарезать тесто на полосы. Каждую свернуть в кольцо. Колечки из теста сформировать пальцами: середина должна быть выпуклой, наружный край сплюснутым.

Другой вариант: вырезать роликовым ножом большой прямоугольник из теста, а из него затем вырезать 6 маленьких прямоугольников. На каждом прямоугольнике сделать шесть параллельных надрезов, но не доводить их до краев.

Печенье жарят в кипящем масле, затем окунают в жидкий горячий мед. Затем, дав меду стечь, посыпать печенье кунжутом и остудить.

КУСКУС С ИЗЮМОМ И ЛУКОМ

От Абдельхамида Сеули

На четыре порции.

750 г – 1 кг кускуса

1–2 кг репчатого лука

куриные ножки или мясо ягненка

(можно приготовить вегетарианский кускус без мяса)

250 г изюма

свежий кориандр (кинза)

куркума, перец, соль, молотый имбирь

шафран

миндальные лепестки

Кускус положить в широкую посуду и залить водой, через некоторое время воду слить, миску накрыть полотенцем и оставить так на полчаса.

В это время быстро обжарить куриные ножки. До того надо поставить на маленький огонь гусятницу, чтобы в ней тушить обжаренные ножки, приправленные смесью имбиря, куркумы и черного перца (в равных пропорциях) и мелко нарезанного репчатого лука. Затем добавить зелень кориандра, но резать ее не надо, так как через некоторое время кориандр удаляется. Для изысканности вкуса добавить шафран и немного свежего имбиря (имбирь затем опять-таки удаляют). Тушить на слабом огне.

Кускус, постоявший с водой около 30 минут, размять руками, сбрызнуть оливковым маслом, растереть комочки, которые наверняка появятся.

В другой сковороде карамелизировать нарезанный кружочками репчатый лук (1 кг) и 250 г изюма, и лук и изюм должны стать прозрачными, как стекло. Добавить соль и немного смеси пряностей (имбиря, куркумы и перца). По вкусу можно добавить также корицу или сахар-песок. Этому блюду придают истинное совершенство миндальные лепестки – горсть лепестков высыпьте в карамелизированный лук с изюмом.

Теперь кускус надо подержать на пару, воду подсолить; когда кускус хорошенько прогреется, снять кускус с плиты, сбрызнуть подсоленной водой и снова тщательно размять руками. Кускус приходится разминать трижды, иначе после еды может разболеться живот – так утверждают опытные марокканские повара.

Кускус выкладывают на большое блюдо или в большую миску, сверху аккуратно кладут куриные ножки, карамелизированный лук и изюм, и все это поливают соусом, то есть подливой, которая осталась в гусятнице после тушения ножек, убрав оттуда кориандр и имбирь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ИСТОРИИ О БЕГСТВЕ, БОЛИ, ТОСКЕ И ДРУГИХ ДВИЖЕНИЯХ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ	11
ЖАЛИД СЕУЛИ О СЕБЕ	285
КУЛИНАРНЫЕ РЕЦЕПТЫ	297

УДК 82.06

ББК 84.4

СЗЗ

Jalid Sehouli. Und von Tanger fahren die Boote nach irgendwo

Дизайн переплета – Александр Зарубин

Сеули, Жалид

СЗЗ И плывут куда-то корабли из Танжера... / Пер. с нем. Снежинской Г.В. – М.: Этерна, 2018. – 320 с. – (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-480-00384-0

Жалид Сеули – известнейший хирург-онколог с мировым именем, марокканец по происхождению, родившийся в Берлине. Это вторая его книга прозы после успешного литературного дебюта «Марракеш». Ее главный герой – древний сине-белый Танжер, волшебный неповторимый город на севере африканского континента. Книга повествует о бегстве, боли, тоске и других движениях души человеческой.

УДК 82.06

ББК 84.4

ISBN 978-5-480-00384-0

(Россия)

ISBN 978-3-86124-700-5

(Германия)

© Edition q im be.bra verlag GmbH,
Berlin-Brandenburg, 2016

© Галина Снежинская, перевод, 2018

© ООО «Издательство «Этерна»,
издание на русском языке, 2018

*Литературно-художественное издание
Серия «Проза нашего времени»*

СЕУЛИ ЖАЛИД

И ПЛЫВУТ КУДА-ТО КОРАБЛИ ИЗ ТАНЖЕРА...

Перевод с немецкого Галины Снежинской

Редактор *И.В. Кулюкина*

Художественное оформление *А.П. Зарубин*

Корректоры *О.В. Круподер, В.А. Нэй*

Подписано в печать с готовых файлов 26.12.2017 г.

Формат 80×100/32, Гарнитура «Century», Печ. л. 10

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru